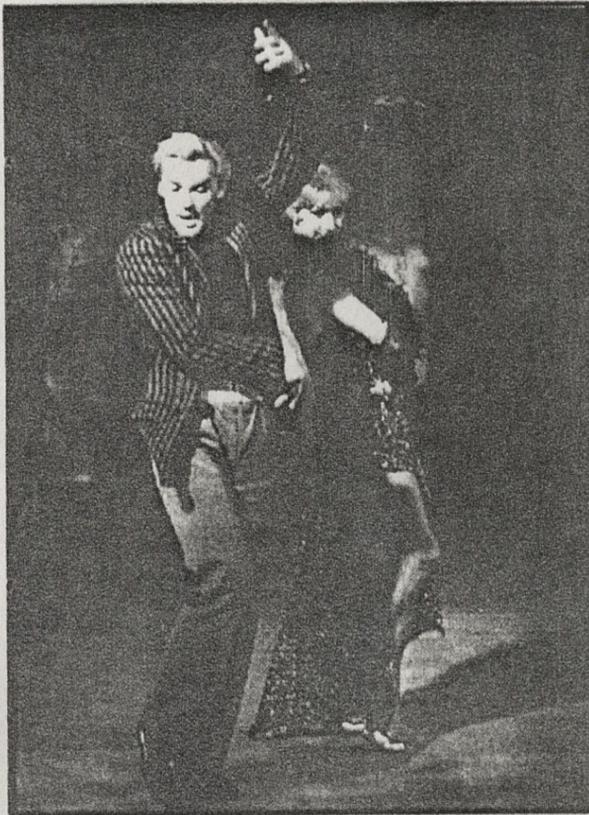

Максимовы Екатерина

Наталья Давыдова в фильме «Классная дама» по Куприну.

Репетиция роли Примдонны в фильме «Чаплинлада».

ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВА: МЕНЯ НАЗЫВАЛИ МАДАМ НЕТ

В июне 1972 года Екатерина Максимова в интервью «Литературной газете» сказала: «Иногда я балет ненавижу и думаю: «Господи, зачем я стала балериной! Сколько прекрасных профессий на земле...» Мучений балет доставляет больше, чем радости...» Жеманство прима Большого театра? Кокетство всемирно признанной звезды балета? Красивая, подкачанная журналистом «Литературки» формула? И позже она иногда прибегает к ней — в разговорах с журналистами, пускающими слюны: «Ах, мировая слава, цветы, поклонники, весь мир объездила...»

Потому что это правда. Звоню в дверь. Долго никто не открывает. Опоздал? Ошибся? Срочно уехала? Наконец щелкает замок! «Извините, пока доползла...» Екатерина Сергеевна держится за ногу. — Вчера на репетиции что-то показала неудачно. Едва хожу». — говорит она с улыбкой. Не жалуясь, просто констатируя факт. И чуть позже, уже во время беседы: «Все рождается в муках. Просто у нас это связано с физикой, а человек — он же живой: связки рвутся, ноги ломаются».

Диагноз: балет

В январе 1975-го травма позвоночника приковала ее к постели, месяцами лежала на вытяжении, не вставая. Врачи обнадеживали: «Ходить будете. Не скоро, не сразу, но будете!» О возвращении на сцену, казалось, не могло быть и речи. Она вернулась в марте 1976-го. В роли Жизели. Марина Константинова, выпустившая потом книгу о Максимовой, писала: «Не знаю, было ли ей физически больно. Думаю, что да. Страшно? Думаю, да. Это был единственный в своем роде спектакль, который можно только желать не забыть тем, кто его видел. Это было не радостное возвращение и не гордое самоутверждение — вопреки всему. Это прежде всего была история новой Жизели».

ли. Она была похожа на Маргариту Готье — с исхудалым, бледным лицом, прозрачной, словно светящейся кожей. Глаза казались огромными черными звездами. Она рассказывала историю о том, как из боли и слез рождаются новые силы духа и как такая душа получает право вернуться к живым, ибо не может уйти навсегда, не высказав то, что не успела, чего не знала прежде. В начале 1995 года повторила: «Конечно, я не променяю балет ни на что другое: я — балерина, и от этого уже никуда не деться. Балет — это не только моя профессия, но это еще и моя жизнь».

Мадам Нет

— Екатерина Сергеевна, вы говорили себе в детстве, в отрочестве! «Я обязательно буду первой. Я обязательно стану примаой Большого?»

— Нет, такого никогда не было. Мы собираемся иногда, вспоминаем школу, некоторые говорят: «Я был увсерен, была увсерена, что меня возьмут в Большой». Я же не могу о себе этого сказать. Я хорошо шла, довольно рано начала сольные партии и станцевала все, что в детстве возможно. В предвыпускном классе, в 57-м году, получила даже золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи, но чтобы «обязательно стану примаой» — такого не было. Мне хотелось танцевать.

— А когда вы почувствовали себя примаой?
— А никогда!
— Но после спектаклей, когда все в восторге...
— Когда овация, когда цветы. — это счастье.
— И у вас ни разу не возникало вот это: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»
— Я чувствую благодарность к зрителю... Меня же всегда после спектакля что-нибудь грызет: то не так, это на репетиции я делала лучше. Может быть, я человек неуверенный.

Окончание интервью на стр. 14.

Невыдуманные истории

Однажды, году в 63—64-м, Васильев с Максимовой пошли к министру культуры Екатерине Фурцевой просить, чтобы Григоровича, уже шарившего в Ленинграде (молодежь Большого специально ездила смотреть его спектакли), перевели в Москву. А надо сказать, что Григорович в министерстве считался то ли с западным уклоном, то ли еще что — в общем, там не были рады ажиотажу, возникшему в начале шестидесятых вокруг этого балетмейстера. И Фурцева разозлилась: «Это еще что за делегация? Кто вы такие — у вас еще молоко на губах не обсохло. Да я вас в Сибирь сошлю!»

Однажды в Москве случился октябрь 1993 года. А так как Васильев, Максимова и Татьяна Густавовна (мама Кати) живут метрах в двухстах от Белого дома, то очень скоро они очутились в центре событий. Когда на мост въехали танки, Екатерина Сергеевна сначала видела результаты выстрела, а потом шла в комнату и слушала комментаторов CNN... А как-то в очередной раз вышла на балкон и увидела, что, пока ее не было, какая-то шальная пуля вышербила кусочек стены. Этот след с тех пор о 93-м и напоминает.

Однажды Елизавета Вторая, королева Великобритании, приехала с официальным визитом в Россию. В один из дней, как водится, ей представляли российскую элиту. Конечно, Екатерину Максимова и Владимира Васильева. Это было уже третье представление Елизавете. Первое случилось в 1962 году. В день рождения королевы тоже принято представлять знаменитостей, в том числе почетных гостей, оказавшихся в такой день в Лондоне. А в 62-м Максимова с Васильевым были там на гастролях. В другой раз их специально пригласили принять участие в концерте в честь 50-летия главы британского трона. После концерта был банкет и... представление гостей. И вот Москва, Кремль. Все по протоколу... Елизавета Вторая, как и подобает настоящей королеве, не подала виду, что с Екатериной Сергеевной и Владимиром Викторовичем они уже знакомы.

Собеседник —

Евгений Колобов: «Я готовил им борщи»

— Владимир Васильев и Екатерина Максимова все больше убеждают меня в том, что чем выше люди по сути своей, тем они проще и естественнее.

Познакомились мы в работе над фильмом «Фузте». Я жил тогда в Петербурге и, узнав, что они придут к нам в общежитие на улице Росси, был в шоке. А они оказались людьми милыми, симпатичными, лишенными вредных «звездных» привычек. Я готовил им борщи. А мой кот Митька сделал букле из нового Катинного платья...

Искусство, по-моему, это их жизнь, а не средство зарабатывать. Поэтому я не удивляюсь, что именно личности такого уровня должны спасать Большой театр. Васильев — светлый, удивительный человек. Очень увлекающийся, генератор идей, склонный к риску и эксперименту. В каждую свою работу Васильев приносит живую энергию, свежие идеи. Поэтому так счастлив был и мой театр, когда он загорелся постановкой «О, Моцарт, Моцарт!» Мы наслаждались работой. И оказалось, что аншлаги в Кремлевском Дворце бывают не только на звездах рока.

Елена Шанина:

«И все вдруг затанцевали»

— Первое появление Владимира Васильева на репетициях «Юноны» было незабываемым. Уже прошло много прослушиваний прекрасной музыки Рыбникова, и тут объявили, что на репетицию придет Васильев...

Он делал по проходу в зрительном зале в голубом костюме, развевались светлые волосы. Поднялся на на-

клонный скользкий станок из оргстекла... Сначала в зал полетел пиджак, потом жилетка, ботинки, галстук. Оставшись по пояс обнаженным, он опустил на колени свои большие сильные руки. И сказал: «Братцы! Никакого балета. Умоляю!» И все вдруг затанцевали! Вообще, Васильев олицетворяет для меня настоящего мужчину. А носитель мощного мужского начала — всегда огромная редкость. И не только в балете.

Светлана Немоляева:

«Мы очень любим париться»

— Мы часто встречались в Щельково — доме отдыха Малого театра. Это недалеко от Кинешмы, там находится усадьба А. Островского. Все мы заядлые грибочники, ягодуники, а там просто божественная природа. Мы собирались большой компанией — актеры из Театра Вахтангова, Малого, Маяковского, кто-то приезжал из Ленинграда... Доброжелательная, дивная атмосфера, ходили кто в чем хочет, женщины не «мзалились». Главное было — грибы, жарехи. А потом русская банька. Мы очень любили с Катюшей попариться.

Василий Лановой:

«А кто, если не Володя?»

Я безумно рад за театр, но мне тревожно за Володю — по-человечески и по-дружески. Человек, достаточно независимый материально, он сможет служить только театру. (Это очень важно — иметь независимость, иначе начинают грести под себя.) У него гигантская энергия, и, я думаю, это принесет большую пользу. Но актерский мир — очень тяжелый мир: столько самолюбия, столько амбиций, столько надежд и потерь... С молодыми он общается постоянно — и в этом плане у него трудностей не возникает. А вот решать судьбы тех, кто уже на излете, — это очень тяжело бывает в театре, и, я думаю, это будет теперь его основной заботой. Я очень нежно люблю этих замечательных людей и принимаю: если не он, то кто же...

3.95